

Дивишься драгоценности нашего языка: что ни звук, то и подарок: все зернисто, крупно, как сам жемчуг, и, право, иное название еще драгоценней самой вещи.

Николай Васильевич Гоголь

Кубанский Писатель

12+

№ 6 (121)

ИЮНЬ
2017 года

Ежемесячная литературно-просветительская газета Краснодарского краевого отделения Союза писателей России. Выходит с 2005 г.

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

Виктора Ивановича Лихоносова с вручением Патриаршей премии имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, учрежденной Священным Синодом Русской православной церкви. Вручение премии состоялось 11 мая в Соборном зале храма Христа Спасителя.

Перо крыла кубанского Икара

В минувшие выходные в Краснодарской Центральной городской библиотеке им. Н.А. Некрасова прошли IV Передереевские чтения.

Алексей Передереев (6 июня 1968 – 4 марта 2012) – российский писатель-фантаст, один из лидеров движения молодых инвалидов Кубани. После его смерти друзья и коллеги писателя проводят ежегодно памятные встречи, обсуждая наследие писателя. Один из организаторов встречи, писатель и журналист Иван Карасев, кратко рассказал о жизни и творчестве Алексея Передереева, представив небольшую фотоэкспозицию любимых мест писателя, места его рождения и работы.

– Доброй традицией стало собираться на Передереевские чтения в июне, в канун дня рождения Пушкина, – подчеркнул Карасев, – думаю, что это не случайно.

Член Союза российских писателей, историк Игорь Васильев выступил с докладом «Достижения кубанских хайку-зинов», в котором рассказал о краснодарцах, хайку которых

стали широко известны не только в России, но и за рубежом.

– Говоря о кубанском хайку, нельзя не сказать и о хайку-верлибре, первом литера-

турном жанре, созданном на Кубани, – продолжает Васильев. – Вообще, Кубань является одним из признанных центров российского хайку, здесь немало как хайдзинов, так и разработчиков, теоретиков данного жанра литературы. В целом, на Кубани развивается жанр, который я бы назвал «англосаксонское

хайку». В чем же причина успешности кубанцев в этом жанре? С одной стороны – в климате. Дожди летом сменяемые жарой и духотой, вне-

запно выпадающий и столь же быстро тающий мокрый снег, яркая богатая растительность, близость моря – всё это напоминает природные факторы некоторых префектур Японии. Еще более важны некоторые аспекты региональной психологии. Это консерватизм кубанцев, сдержанность в сочетании с сильными чувствами

и способностью к глубоким впечатлениям.

После выступления Игоря Васильева поэты, Анна Мамаенко и Алексей Некрасов, читали свои новые стихи, а литератор Марина Мартынова играла на гитаре. Итогом мероприятия стало выступление председателя правления Краснодарского краевого отделения Союза писателей России Светланы Макаровой.

– Мне очень приятно видеть такое внимание к кубанскому писателю со стороны друзей и коллег, – сказала она. – Такие мероприятия спланируют, делают нас более чуткими. Я была знакома с Алексеем, вместе с ним участвовала в литературных семинарах и всегда восхищалась его целеустремленностью. Теперь память о нем живет не только в его книгах. Хотелось бы выразить благодарность Ивану Карасеву за то, что он сумел сохранить память о краснодарском писателе, который жил в нашем городе, в нем творил и теперь не забыт, в том числе, и здесь, в стенах этой библиотеки. Это хорошо, что вы держите своего товарища, друга, писателя в сердце и делитесь его талантом со всеми нами.

Денис ШУЛЬГАТЫЙ

ПАНОРАМА

«Ночь музеев» в Краснодаре

20 мая в Краснодаре прошла Международная культурная акция «Ночь музеев-2017», посвященная 80-летию со дня образования Краснодарского края. Одним из ярких мероприятий «Ночи» стал проект «20-й квартал», организованный в партнерстве музея им. Ф.А.Коваленко с Художественной галереей «САНТАЛ». Этот год для Ху-

дожественной галереи «САНТАЛ» юбилейный. К 25-летию сотрудничества с творческими организациями была подготовлена большая программа, реализованная на площадке рядом с памятником И.Е.Репину.

Следуя своим традициям, галерея «САНТАЛ» подготовила проект, основанный на синтезе искусств живописи, слова и музыки. Студенты художественно-графического факультета КубГУ в малиновых беретках стояли за мольбертами и писали портреты краснодарцев. Оживление, восторг у зрителей вызывали готовые портреты, полученные от юных художников. Образовались очередь из желающих позировать, а молодые авторы, лучшие студенты факультета: Абеленцева Ольга, Ертель Евгения, Ахмедова Марина,

Тишкина Виктория, Бародулина Екатерина во главе с преподавателем Харченко Анастасией Анатольевной, работали с натурой быстро и уверенно. Свои стихи читала Макарова Светлана Николаевна, председатель Краснодарского регионального отделения «Союз писателей России» и члены краевого клуба творческой интеллигенции «Возрождение» под руководством Ирины Михайловны Коваленко. С вокальными номерами выступили артисты филармонии, лауреаты всероссийских и международных конкурсов: Чапчикова Валентина Юрьевна, Барабаш Людмила Павловна, Кравцов Владимир Анатольевич.

● 16 мая 2017 года в «Центре развития образования» г. Горячий Ключ был проведен конкурс чтецов, приуроченный к празднованию Дня Великой Победы, 80-летию со дня образования Краснодарского края, 70-летию краснодарской краевой писательской организации. В конкурсе

приняли участие школьники из 16 среднеобразовательных учреждений МО г. Горячий Ключ. Прозвучали стихи и проза кубанских поэтов и прозаиков: К. Обойщикова, В. Архипова, Н. Краснова, И. Вараввы, И. Бойко, В. Бакалдина, Н.

Зиновьева, Ю. Кузнецова, Н. Логвиновой, В. Филиппова, Г. Василенко. Все участники конкурса награждены грамотами, а победители – дипломами Краснодарского регионального отделения Союза писателей России и книгами кубанских литераторов. Ребята и учителя школ проявили интерес к краевой литературной газете «Кубанский Писатель», которую они тоже получили в подарок. Победителями конкурса стали: Логвинова Юлия, Адамян Артем, Владимирова Дарья, Кильгянкина Ксения, Багаутдинов Данил, Морогов Иван, Пашенко Даниил, Дейкин Александр, Малеваная Анастасия, Фролова Ксения, Серопян Евгения, Алимova Мария.

● В Краснодаре в Литературном музее Кубани в День прессы прошёл вечер памяти журналиста, писателя, много лет возглавлявшего краевую писательскую организацию Петра Ефимовича Придиуса, которому в 2017 году исполнилось бы 85 лет. В мероприятии приняли участие дочь писателя Майя, члены Союза писателей России, хорошо знавшие писателя Н.Т.Василинина, С.Н.Макарова, А.Д.Мартыновский, Г.Г.Пошагаев, Т.Н.Соколова. А также сотрудники газеты «Кубанские новости», которую много лет возглавлял П.Е.Придиус, члены ЛИТО «Верность», студенческая молодёжь.

● В Краснодаре в галерее «Сантал» 7 июня состоялся большой литературный праздник, посвященный А.С.Пушкину. На встречу с кубанскими поэтами пришли первокурсники Института специального педагогического образования. Ребята с живым интересом слушали выступления членов краевой писательской организации и литературного объединения «Верность». Прозвучали стихи великого поэта, а также посвящения ему. И каждое выступление открывало всё новые грани русского гения, ведь говорили каждый о своём Пушкине, а значит, о том, что дорого с ранних детских лет. Читали стихи и студенты. А поэт-бард Марина Мартынова исполнила песню, сочинённую совсем недавно, памяти Новеллы Матвеевой.

**Виктор Семёнович
РОТОВ**
/7.01.1931 – 9.05.2005/

Виктор Семёнович Ротов когда-то работал вместе с моей мамой, Зоей Васильевной Паниной, потом какое-то время вместе со мной на мебельном предприятии. Позже, оказавшись в одной писательской организации (Ротова приняли на четыре года раньше), стали общаться чаще – на заседаниях правления, членом которого меня выбрали почти сразу после приёма в Союз писателей, на собраниях, в гостях.

Нас связывали долгие, откровенные беседы, темы которых были самими разными, но всякий раз сводились к писательским делам, событиям и личностям. Нам нравилось подтрунивать друг над другом и, нечего греха таить, иногда и позлословить.

В плане нашего литературного творчества точек соприкосновения было мало – его публицистику я зачастую прочитывала «по диагонали», а фантастику, большей частью не опубликованную, не считала своим любимым жанром, что называется, – не моё. Остальное мне можно было и не читать, так как о многом он просто рассказывал. Как Виктор Семёнович относился к поэзии, могу судить по его экспромтам, трогательным своей наивностью и сердечностью, и по просьбе посвятить ему моё ранее написанное стихотворение, но которое было как будто о нашем товарищеском дуэте:

В. Р.

Знакомый мне с досадою сказал,
И думал, что словами наказал,
И ждал, что я заплачу в два ручья:
– Ты навсегда останешься ничья.
... Не сразу я ответила, не вдруг,
Что я – и чей-то враг, и чей-то друг,
Что счастьем для меня бывать одной
И с Небом говорить порой ночной.
Мне после встреч, тревог и всех утрат
И одиночество — отрада из отрад...

И только в книге Геннадия Пошагаева «Житейские истории», изданной в 2010 году, где автор тёплыми воспоминаниями и своей неповторимой интонацией сумел бережно сохранить образы ушедших писателей, я прочитала слова Виктора Семёновича обо мне: «Нелличка, понимаешь, она и не думала, не мечтала, а как сразу проявилась! Какие нежные стихи! Нет, Гена, не зря мы её приняли в Союз! Чистота души, гармония, философия... Какая она сама, такие и стихи!».

Помню, Виктор Семёнович рассказывал о своей поездке в Англию к дочке и её семье, о том, что была возможность остаться и не только общаться с внуками, но и устроить свою личную жизнь. На мой вопрос, почему он не воспользовался таким шансом, ответил: «Там я никто, здесь – какой ни на есть, а писатель». Он долго, по его словам, десять лет, добивался своего места в писательском сообществе и по-настоящему дорожил не только членским билетом, но и возможностью быть в центре, а иногда и в эпицентре событий.

Литературный труд был стержнем его жизни, а самого Виктора Семёновича в какой-то мере, можно было считать стержнем нашей писательской организации – он отличался принципиальностью и последовательностью в отстаивании взглядов и убеждений, направленных, прежде всего, на пользу общему делу. Этим Ротов кому-

Нелли Василюкина ПАМЯТИ ДОЛГОЕ ЭХО (ИЗ НОВОЙ КНИГИ)

В памяти остаются поступки и звучат голоса тех, с кем мне выпала жизненная удача встретиться во времени и в пути. Их имена душа просит воскресить хотя бы в нескольких мгновениях...

то мешал, кому-то не нравился, так как был активным правдолюбом, умел дать отпор не достойно ведущему собрату по перу, и смело называть неприемлемые вещи своими именами.

С его уходом ещё одним другом-товарищем стало меньше в моей жизни. И только память, пока ещё не скряга, продолжает сыпать золото и серебро воспоминаний о безвозвратно минувшем...

**Иван Андреевич
ДУДИН**
/6.12.1937 – 23.11.2014/

Иван Андреевич Дудин был открытием краевого семинара молодых литераторов Кубани в 2005 году. К слову «молодых» он сразу же отнёсся со свойственной ему самоиронией. И так же сразу было понятно, что пришёл уже состоявшийся поэт, несомненно, очень талантливый, со своим поэтическим голосом, с богатейшим образным видением мира, и к тому же обладающий тонким чувством юмора.

При всей многогранности таланта, в творчестве Ивана Дудина прослеживается одна сквозная тема, вызывающая чувство самого большого уважения, – это поистине сыновья любовь к своей малой родине, куда он, как и мечтал, успел вернуться, чтобы остаться там уже навечно.

Живя на благодатном юге, поэт душой был неразлучен с родными местами, где «метель буянит» и «сугробы стыннут белой пенной», где его всегда ждали земляки, которых он щедро одарил сердечным теплом, для каждого найдя ласковое слово, и куда в любой час «память потянет за рукав».

Я не знаю другого поэта, кто с такой же лирической взволнованностью взывал к собственной памяти, хранящей родные лица, задушевность дружеских встреч и всё то, что «было так хорошо, ... словно в старом советском кино». Память поэта – это почти непрерывный внутренний монолог, это жизнь как будто вспять, а не навстречу. Постоянное возвращение к истокам словно замедляет то непреодолимое, неумолимое движение, которому подвержено всё живое на Земле...

Иван Андреевич подарил мне не только свои книги, но и посвятил стихотворение, написанное им после того, как он прочитал мои воспоминания о детстве.

И ПОСАДИЛА... КРОШКИ ХЛЕБА
Н. Василюкиной

Всё по науке, по порядку:
Взрыхлила маленькую грядку
И посадила... крошки ХЛЕБА!

И попросила дождь у неба.
А тот, кто был не очень слеп,
Мог прочитав табличку: ХЛЕП.
Но был Всевышний глух и слеп –
Не вырастил из крошек ХЛЕБ.
Но в чём-то ты была права...
Находишь зёрнышки – слова,
А грядка — добрая душа.
И всходят строчки не спеша...
И вот — душевны и тихи —
Возникли, выросли СТИХИ!
Всевышний не был глух и слеп.
СТИХИ — они нужны, как ХЛЕБ!
16. 06. 2007

Теперь, когда Ивана Андреевича не стало, чаще открываю книжечки его стихов и вместе с ним слушаю, как «буднично мурлычет перекач», «ласточка, чиликая, снуют», и «по деревянным тротуарам», вспоминая своё детство в Тобольске, «красыплю гулкие шаги». И каждый раз вслед за автором согласно повторяю:

«Какое счастье – есть на свете
Всё то, что Родиной зовём!».

Иногда читаю стихи Ивана Дудина и другим, чтобы и они услышали идущие из глубины неравнодушного сердца сокровенные слова, неожиданно открывающие что-то порой удивительное в простом и привычном, А строки

«Люби Россию в непогоду –
В погожий день любить легко!»

воспринимаю как оставленный всем нам живущим завет поэта.

**Виктор Николаевич
ЛОГИНОВ**

/7.02.1925 – 30.08.2012/

Впервые услышав в телефонной трубке голос Виктора Николаевича Логинова, я невольно переспросила, он ли это, – голос звучал по-юношески чисто и звонко. Пообщаться с ним поближе мне довелось, когда он был уже очень болен, но не терял присутствия духа, оставался гостеприимным, приветливым и даже весёлым. Я рада, что успела запечатлеть его таким, и на фотографиях он по-прежнему с нами...

С нами он остался и в своих книгах, очерках, статьях, в стихотворных строчках. Перечитываю в одном из старых номеров газеты «Литературная Кубань» признания Виктора Николаевича, которые он назвал «Про себя». О писателе вернее, чем он сам, никто не расскажет.

«...Раньше я имел привычку своё со-
вестливо принижать, говоря о себе как бы в
среднем. Теперь ни преуменьшать, ни пре-

увеличивать я не намерен — мои годы этого не позволяют. Я созрел до полной правды во всём». И это «всё» начал «от истоков»: что мама родила его «в русской печке на ржаной соломе», и как дядя Егор, подарив ему в раннем детстве книгу, предопределил весь его жизненный путь, и с каким упорством пришлось преодолевать препятствия на этом пути, о семейном счастье, когда рядом «верная жена-помощница, добрые дети и под стать им невестки», и о том, что «иногда хочется похвастаться – Бес толкает. Но давно усвоил, что скромность — одна из граней святости», и о славе: «Это не моя стихия! Слава — это всё равно, что сладенькая водичка с привкусом горчицы».

Вспоминал Логинов и часто повторяемое знаменитым Сергеем Михалковым: «Скромность – верная дорога к безвестности». Будет уместно обратиться к высказываниям более знаменитых и менее тщеславных авторов, утверждавших, что «недостаток скромности есть недостаток ума», и «почти всегда скромность прямо пропорциональна талантливости», и «даже самый скромный человек думает о себе лучше, чем думает о нём его лучший друг».

Наверное, наивно надеяться, что кто-то оценит тебя выше, чем ты сам... Скорее всего, эти «кто-то» с явной готовностью примут твою по естественной скромности несколько заниженную самооценку, каким-то образом поднимающую их в собственных глазах.

В своём биографическом повествовании «Книга – жизнь моя...» Виктор Логинов подводит черту словами: «Вопреки очевидному, я специально занижал оценки своего творчества. «Среднее», – говорил я и многие это могут подтвердить. Высовываться было не в моём характере. Сам виноват... А моим коллегам по перу хотелось покрасоваться на виду у всех, зачастую это заменяло им талант. ... Но теперь — хватит. Я с полным правом, без стеснения могу заявить, что создал несколько замечательных произведений».

Виктор Николаевич всегда хорошо знал то, о чём писал и говорил. Его читала вся наша необъятная страна. Он «пешком исходил почти всю Кубань», и его голос «был слышен почти во всех кубанских станицах».

Откроше книгу и снова услышишь этот голос – чистый, мелодичный, сотворивший простыми, точными словами (так когда-то ему советовал писатель Семён Бабаевский, которого Логинов считал своим первым учителем), самое удивительное, до конца непостижимое чудо с названием «жизнь», воссоздав её через судьбы, характеры, поступки своих героев. Исследовательски острое писательское чутьё позволяло автору глубоко проникать в души и помыслы персонажей, изначально наделив их всевозможными характеристиками, поставив порой в неожиданные, но всегда жизненно достоверные реалии бытия, или увлекательной фантазией вознеся к небывалому, но вероятному. Мастерству Виктора Логинова подвластно было всё.

Не подвластны были только «те времена, когда «совиное крыло» партийной цензуры висело, как дамоклов меч над головой каждого одарённого литератора». Вот когда требовались смелость и упорство в отстаивании своих взглядов на творчество, своих принципов и убеждений! Виктор Николаевич сознаётся, что был при этом ещё и «дерзковат». И это при его неизменной скромности и даже придуманном себе ярлыке – «записной скромняга»...

Что стояло за таким «самоопределением»? Вызов, брошенный несправедливости, с которой приходилось не однажды сталкиваться, и скрытая насмешка в адрес её «вершителей»? Или маска покорности как вынужденная, житейская хитрость в целях самосохранения? Но думается, что это было самое настоящее чувство собственного достоинства, которое никто и ничто умалить не может.

На память пришли слова писателя из эссе «Краснодар – город счастья»: «Я не только стар, но и достаточно мудр».

Если вдруг представить себе всё богатейшее литературное наследие Виктора Логинова всего лишь одной книгой, то это всегда будет всеобъемлющая, глубоко содержательная и высокохудожественная книга, в самом названии которой тесно переплетутся понятия добра, совести, чести и справедливости.

ЮБИЛЕЙ

Валерий Ганичев,
председатель Союза писателей России

КНИГА О НЕПОБЕДИМОМ ДУХЕ ПАМЯТУЕТ

Письма с фронта (отрывок из статьи)

Начинают приходиться похоронок, письма от друзей, родных о погибших сотоварищах, о героях-воинах. «Остался один против пяти танков», – писали родителям бойцы из окопов. Даже в воспоминаниях генерала Катюкова, приведённых в книге, говорится об этом. Начинается осознание, что главный враг – напавший немец, фашист. Не очень много писем пишут, некогда, да еще, чтобы не переживали. Уже узнали о зверствах и пожарах. Бойцы всё более понимают ценность каждого письма, приходящего из тыла – их товарищ-почтальон заставляет танцевать каждого, кто получает письмо, а они готовы делать это каждый день. Нехитрые строки публикуют во фронтовой газете. «Мы верили, что письма вновь придут со знакомой печатью на конверте. Мы знали, каждый день наш, наш редут и каждая семья сильнее смерти» (Константин Бельхили. 1942 год). Какая вера, сила чувства этих строчек! А письма хочется цитировать и цитировать...

Вот письмо товарища погибшего воина, как неподдельна скорбь, какие слова нашел командир, чтобы утешить горе родителей, нет не утешить, а разделить:

«Дорогой товарищ Филипп Анисимович! Мы получили письмо с просьбой сообщить Вам некоторые подробности о Вашем сыне.

С большой охотой я отвечаю Вам на это письмо. Я командир того взвода, в котором действовал Ваш сын, и руководил тем боем, в котором погиб Ваш Ваня.

Это было 23 августа 1941 года. Мы получили задачу разведать огневые средства противника в районе совхоза «Зайцево» Ярцевского района Смоленской области. Нас было 28 человек, в том числе и Ваня. Выступили мы на передовую позицию часов в 10 утра. День был хороший, солнечный, в этот день Вы, вероятно, убирали пшеницу в поле, а мы шли в бой, чтобы враг не помешать ни Вам, ни тем, кто мирно трудится и в районе этого совхоза, и в Вашей станице. Впереди совхоза находился лес, а за лесом – речка. Враг укрылся в лесу, нужно было разведать его, с тем чтобы подготовить основной удар и выгнать его за речку (река Царевич). Впереди леса расположились совхозные поля – овёс, лён, картофель. Мы должны были по овсу и льну подойти возможно ближе к месту расположения противника и заставить его открыть всю систему своего огня, иначе говоря, мы должны были принять весь огонь на себя, с тем чтобы узнать характер его обороны. Это была ответственная и опасная задача, но все мы, 28 человек, были полны решимости во что бы то ни стало эту задачу выполнить.

Пока мы продвигались по овсу и были невидимы для противника – было хорошо, но у опушки леса враг скопил овёс, чтобы создать открытую позицию, которая была хорошо пристреляна им. В этот день мы лежали в овсе, принимая огонь на себя до наступления сумерек. Нас обстреливали из пулемётов, автоматов и миномётов, и вот какая-то пуля врага сразила здесь Вашего героя-сына.

Я непосредственно в момент его смерти не был рядом с ним и не видел, как именно умер Ваня, но я знаю, что он действовал бесстрашно, как и подобает воину нашей Красной армии.

Он не струсил, не отошёл назад. Он был настоящим бойцом и умер героем. Пусть это будет служить Вам утешением. Вы можете гордиться своим сыном и смело смотреть в глаза людям, в грядущую победу над врагом Вы вложили самое дорогое для Вас – жизнь Вашего сына. Пусть это принесёт Вам не

только горе, но и сознание исполненного Вами долга за сына, за себя. Пусть это будет служить Вам хоть маленьким утешением в Вашем большом горе.

Дорогая мамаша!

Вам, конечно, будет тяжелее других переносить смерть сына – Вы ведь его мать. У меня тоже есть старушка-мать, которая, вероятно, тоже частенько плачет обо мне, своём сыне, хотя я ещё и жив. Я знаю поэтому, как нелегко горе матери, но я знаю, что сегодня нам нужно, чтобы горе матерей породило в них ненависть к врагу, чтобы они без колебания отправили на фронт и своего последнего сына.

Перестаньте плакать, дорогая мамаша, перенесите Вашу любовь к сыну на любовь ко всей Красной армии, к своей стране, к нашему народу. Ваш Ваня похоронен там же, где был убит.

Дорогие молодые друзья – братья Вани! Пусть его жизнь служит для вас обоим примером любви к Родине, за которую он не пожалел жизни.

Растите честными и мужественными, будьте утешением для своих родителей. Помните о брате, любите жизнь, как её любил Ваня, но больше жизни любите Родину и свой народ.

Мои дорогие друзья!

Если захотите написать мне – мой адрес: действующая армия, полевая почта 140, штадив ВОХР, лейтенанту Павлу Алексеевичу Григорьеву.

Я с удовольствием буду отвечать на ваши письма». (29 сентября 1941 г. Воронеж).

Иван Филиппович Деркач (1920-1941) ушёл добровольцем на фронт. Писем от него родители, колхозники станицы Староминой, получить не успели, но бережно сохранили последнюю весточку о сыне, написанную его боевыми товарищами.

А какой Советский Союз дышит в этих письмах! И русские, и украинцы, и адыги, и евреи – да все, кто был, кто встал в ряды и кто был в окопах, кто шёл в атаку.

23 октября 1941 г.

«Дорогие мама и папа! Любимые сёстры и братья! Вот уже трое суток сдерживаем коварного врага, который рвётся к Ростову. Враг силён, у него много оружия и боевой техники. И всё же не даём ему продвинуться вперёд. Сдерживаем его силой любви к родному дому, к Родине. А это оружие – безотказное... [...] Завтра на рассвете идём в наступление. Будь уверен, отец, что я, если суждено погибнуть, не посрамлю тебя, не погибну от пули в спину. Не опозорю своих предков, вас, родных и дорогих моих аульчан. Я верю, отец, что с русским народом мы защитим свободу своей Отчизны. Обнимаю вас всех, мои дорогие, жду ответа.

Олид Афасиев, действующая армия.» (Олид (Вадим) Индрисович Афасиев – на фронте с первых дней войны. Пропадал без вести в ноябре 1943 г.)

Да, именно так: я верю, что с русским народом мы защитим свободу своей Отчизны. И никаких счетов, как сегодня, кто кому больше должен, кто перед кем виноват...

Может, в мирной жизни не каждый день называли своих жён, сестёр, любимых девушек ласковыми именами, но тут, все годы войны в обращении с фронта звучало: Шуручка, Танечка, Машенька, Коленка, Мурочка, дорогая Ася, любимая Галюка, дорогой сынок Коля, милая доченька...

Хорошо бы во всех школах Кубани и в вузах почитать книгу, написать сочинения, небольшие работы-исследования о том, какие слова были обращены к родным, какая нежность проистекала с фронта, несмотря

на смерть, взрывы и гибель. Такого рода работы были бы подлинным отражением любви, сердца и души наших воинов.

О ранениях сообщали после того, естественно, как уже были сделаны необходимые заверения, что всё будет хорошо. «Я ранен, нога опухает, болит, но в госпитале постель хорошая, кровать, простыни, одеяло байковое, кушать дают неплохо, поправлюсь, будем снова бить немчуру, наша страна скоро будет свободной» (Март 1943 г. Андрей Губарев).

В 1942 – 1943 году необходимо было утвердить чувство ненависти к врагу. За растерзанные города и села, за убитых мирных людей... «Убей немца! Отомсти врагу!» – звучало отовсюду. Бойцы видели пожары, измывательства, убийства и, конечно, мстили, но и в мести сохраняли человеческий облик. Всё-таки бойцы помнили и слова Сталина, сказанные на всю страну в феврале 1942 года: «*Опыт истории говорит, что гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство германское остаётся*».

«...Да, фрицам дали по зубам под Орлом. Похвально. У нас пока затишье, но оно для них тоже малопонятное. Снайперы у нас хорошие, артиллерия тоже, «Катюши» (которых они, кстати, боятся, как чёрт лады). В общем, всё к тому, что ежедневно десяток Берт испускают вопли скорби по поводу шакалей смерти их фрицев, в бозе почивших... Ну да чёрт с ними, а то уже бумаги мало. Интересно, как вы там живёте? Что поделяете? Я приеду к вам в гости этот через пару месяцев – под Новый год. Привет всем глубоко штатским родственникам. Аминь! Сергей, слушай маму. Ни выше ни ниже!» (1942 год. Олег Григорьевич Захарченко – автоматчик 255-й бригады морской пехоты, погиб при освобождении г. Новороссийска 10 сентября 1943 г.)

Конец 1942, начало 1943 года – уже больше вдумчивой уверенности в себе, больше победных ноток в письмах, больше удачных операций.

«...[...] Сегодня радио сообщило, что части Красной армии в районе Старой Руссы окружили 16-ю армию немцев и уничтожили её. О том, что бои идут западней Лозовой и Харькову угрожает окружение, тоже знаешь. Значит, дела наши идут хорошо, немцев бьём, как паршивую сволочь, и не остановимся, пока всех не выбьем». (25 февраля 1942 года, Яков Фролович Каверин (1901-1942), участвовал в боях на Харьковском направлении, в одном из них погиб.)

Читая эту книгу, проникаешь в глубину чувств наших людей, в их опасения, грусть, заботу, любовь и надежду.

Это самое высочайшее и созидательное чувство человека – любить! Любить Родину, мать, семью, любимую, жизнь!

Оно и даёт ответ на мой постоянный вопрос: «Почему мы победили?» – Потому что любили!

PS. Появление такой книги Памяти показывает, сколь велики духовные силы в памяти народа, какова генетическая связь с нашими предками! Как не пытались бросить тень на «Бессмертный полк», он формируется в недрах и толщах народа, обрастает реальными чертами в документах и фактах, в письмах наших воинов, пришедших к нам через годы и вновь взволновавших нас. И было бы естественно, если бы наши краснодарские друзья обратились бы с призывом к своим коллегам, к издателям страны, коллективам школ и вузов продолжить сбор документов, писем наших воинов, их родных о тех временах! Давайте создадим Книгу Памяти Бессмертного полка, собрав письма наших воинов со всей страны, чтобы голос наших воинов был слышен через годы и расстояния, чтобы мы помнили, чтобы мы слышали, чтобы мы любили и чтобы мы победили!

От редакции. «Письма с фронта» в 2-х томах, изданная в Краснодаре издательством «Книга» в 2016 году удостоена Всероссийской литературной премии «Прохоровское поле». Награждение состоялось в Белгороде, в мае этого года. Премия вручена генеральному директору издательства Т.А.Василевской. Поздравляем всех участников проекта!

К 90-летию Виталия Бакалдина

В ЛИСТОПАД СУДЬБЫ СВОЕЙ...

Виталий Борисович Бакалдин (1927-2009г.г.) – член Союза писателей СССР–России с 1956 года. Много лет возглавлял краснодарскую писательскую организацию. Почетный гражданин города Краснодара, заслуженный работник культуры РСФСР, заслуженный учитель Кубани. Лауреат литературных премий: всесоюзной им. Н. Островского, краевых им. К. Россинского и им. Е.Ф. Степановой, муниципальной им. А.Д. Знаменского, всероссийской «Золотой венец Победы», международного фестиваля «Эоловы струны», международной премии им. М.А. Шолохова.

Часто вспоминаю о нём, умном, талантливым, «самом краснодарском» из всех краснодарских поэтов. Перечитываю его стихи, многие помню наизусть...

Впервые я увидела Виталия Борисовича Бакалдина в 1958 году. Его жена Евгения Владимировна, красавица и блестящий педагог, с пятого по одиннадцатый класс учила нас русскому языку, литературе и тому, как надо жить на свете. Школа №42 в то время располагалась на улице Северной, недалеко от Всесвятского кладбища. Наш класс называли «гвардейским».

В один прекрасный зимний день Евгения Владимировна привела к нам «живого поэта». Помню, как он вошел, раскрасневшийся с мороза, оживленный и молодой. Взглянул на портрет Пушкина, красовавшийся над школьной доской.

– Вы знаете, что ни один портрет Пушкина не соответствует его настоящей внешности? – ошаршил он нас вопросом. – Как вы думаете, какого цвета у него были волосы? – Черные?

– А вот и нет! У него были золотистые волосы и синие глаза.

Он сообщил об этом так убедительно, будто пять минут назад сам видел живого классика русской литературы.

А каким был сам Бакалдин? Фотографии и портреты тоже не дают точного представления о его внешности. Его лицо неуловимо менялось: то было улыбочивым и приветливым, то становилось непроницаемым, губы твердели. Густые непослушные волосы рассыпались, падая на лоб, и он привычно поправлял их рукой. Глубокий цвет его больших темных глаз тоже трудно было определить...

После школы и института моя жизнь сложилась так, что мне было не до литературы. Долгие годы я и думать не могла, что когда-нибудь снова встречу со своей любимой учительницей и её знаменитым мужем, но, видимо, кто-то «там наверху» решил иначе.

В 1997 году, набравшись храбрости, я пришла к Бакалдиным с рукописью своего приключенческого романа. Виталий Борисович пробежал глазами несколько страниц и строго спросил:

– Он что, у тебя, левша?

От неожиданности я не сразу поняла, что речь идет о моем герое-гусаре.

– Н-нет!

– А почему у него ментик на правом плече?

И Бакалдин тут же провел со мной ликбез по историческому военному обмундированию. Объяснил, что ментик (короткую куртку на меху) гусары носили на левом плече, чтоб удобнее было держать саблю в правой руке. Заодно стал рассказывать, что такое кивер, доломан, чакчиры, ташка, темляк...

Память его была удивительна. Он легко запоминал даты, факты, имена, знал наизусть множество стихов, особенно советских поэтов. Не забуду, как он читал стихотворение Ярослава Смелякова о «милых красавицах России», о том, как «на носилках длинных под навесом умирали русские принцессы». Каждое слово он бережно преподносил, словно величайшую драгоценность:

Возле в го-су-дар-ствен-ной печали
Тихо пулеметчики стояли...

Ярослав Смеляков, Николай Тихонов, Сергей Орлов, Виктор Гончаров... В этот славный ряд можно смело поставить и Виталия Бакалдина. Он им ни в чём не уступал. Когда однажды я попыталась оправдать свои ляпсусы тем, что не училась в Литературном институте, он спокойно сказал: «Я – твой Литературный институт».

В конце 90-х Бакалдин работал в редакции «Вольной Кубани», выпускал её дочернее издание – газету «Литературная Кубань». Работы было много, и Виталий Борисович взял меня добровольным помощником, как сейчас говорят, волонтером. Мне выписали пропуск – удостоверение специального корреспондента «Вольной Кубани» с золотой надписью на корочках: «Пресса», и я стала ходить в редакцию, как на работу.

Это были счастливые дни. Мы собирали материал, читали письма и рукописи, которые со всего края присылали читатели. Он не скрывал радости, когда ему попадались удачные произведения:

– Вот, послушай, как хорошо человек написал! «Смотрит снизу вверх из-под крылечек бабушкин старинный Краснодар»...

– А что тут особенного?

Он отмахивался с досадой и углублялся в чтение.

Краснодар – город его судьбы. Сколько стихов и поэм он посвятил ему! Но, подобно Лермонтову, Бакалдин любил Краснодар «странною любовью».

Не мрамора седые плитки,
не бронзы гордое литье,
а ласково хранят калитки
былой поры жите-бытье...

Но, возможно, его «ностальгия по калиткам» в какой-то мере являлась данью поэтическим образам. Из родного «двора вербены и петунии», где он играл с загорелыми мальчишками в ситцевых трусиках, он ушел «без грусти, без раздумья, бросив детство второпях». Превращение Краснодара из захудалой станицы в современный город происходило у него на глазах. Его отец, заслуженный строитель РСФСР Борис Александрович Бакалдин, часто брал сына на работу и показывал Краснодар с высоты птичьего полета. Дух захватывало! Будущий поэт рос и взрослел вместе со своим городом.

Пятнадцатилетним подростком Виталий Бакалдин пережил фашистскую оккупацию. При освобождении Краснодара ему вместе с другом Женей Олениным довелось взять в плен двух немцев. «Правда, они и не думали сопротивляться», – с улыбкой вспоминал Виталий Борисович. Стихи о войне он сочинял всю жизнь. Самое известное

из них – «Краснодарская быль» о юных героях, которые, «не успев принять святой присяги», стояли насмерть за родной город, наравне с горсткой взрослых бойцов.

Гораздо менее известна «Баллада», в основу которой положен случай из жизни поэта. В феврале 1943 года, после освобождения Краснодара, ему довелось вместе с другими мальчишками мыть полы в двухэтажном доме возле аэродрома. Дом готовили под казарму для наших солдат, а при немцах здесь допрашивали арестованных. На одной стене сохранилась надпись, начертанная кровью: «Чует дивчина, як я страдаю!»

Долгие годы поэт помнил эти слова, и наконец, они воплотились в стихи, которые он прочитал в редакции. Так прочитал, что никто не смог сдержать слёз, особенно в конце:

И мальчишку – меня поразила
сердце рвущая криком своим
веры той святоносная сила,
что незримо любимая с ним!
В мире место и аду и раю...
Что не вспомнится с жизнью вдвоем!
«Чует дивчина, як я страдаю» –
обрывается в сердце моем.

Интересно наблюдать, как работает мастер над своим произведением. Написав стихотворение, Бакалдин читал его по телефону друзьям, выслушивал их мнение и, если надо, вносил поправки. Чаще всего он звонил своей бывшей ученице Галине Коваленко, сестре Рите Солодкой и поэтессе Нелли Василининой. Со мной советовался редко, потому что я стеснялась и терялась, говорила только восторженные слова, а он сердился.

Как-то раз я была у него в гостях, и он прочитал мне свое раннее стихотворение о первой детской любви. Писать он начал ещё со школьных лет. Когда я стала восхищаться, он нетерпеливо перебил:

– Нет, постой! Что именно тебе понравилось?

Запнувшись на миг, я сказала:

– Вот это: «Хлопнули двери на лестничной клетке. Ахнуло эхо. Пришла тишина».

Он ничего не ответил, только прикоснулся к моей руке.

Одно из его стихотворений родилось, можно сказать, у меня на глазах. Тихим осенним днем шли мы с Виталием Борисовичем по улице Красной. Он недавно вернулся из Геленджика, с детского поэтического конкурса, и рассказывал о море, ласковом солнце, о золотых деревьях, застывших в предчувствии скорого увядания. Вдруг он остановился, замолчал и показал рукой куда-то вверх:

– Посмотри, какой дивный узор!

Ничего «дивного» я не увидела, кроме обычных осенних веток, уже порядком облысевших. Времена были трудные, безденежные, и у меня не было ни малейшего желания умиляться сомнительному «пейзажу». По губам поэта скользнула улыбка.

На другой день Бакалдин передал мне листок со стихотворением, чтобы я его перепечатала на компьютере. Он часто по-

ручал мне эту работу, чем я втайне очень гордилась. Вот оно:

Без листвы узор ветвей
резок в небе ясном.
В листопад судьбы своей
думаешь о разном.
Пусть она, какая есть
на щедрой ниве:
не в одном богатстве честь,
радость не в наживе.
С моря яростный закат
ослепляет горы...
И за то, что не богат,
мне смешны укоры.
В солнце желтые дубы,
солнце в темной хвое –
словно всей моей судьбы
золото живое...
8.11.2000г.

Бакалдин встречался со многими творческими людьми, знал мир театра, выдающихся актеров. У него был артистический дар, талант художника и абсолютный музыкальный слух. Иногда он напевал, и своей чуть старомодной манерой пения напоминал Александра Вертинского.

Известный композитор Григорий Фёдорович Пономаренко, переехав в 1972 году из Волгограда в Краснодар, подружился с Бакалдиным и написал много песен на его стихи. Но маэстро так и не смог превзойти «Краснодарский вальс», который ещё в 50-е годы сочинили Виталий Бакалдин и Григорий Рывкин.

Теплом весны согретый,
Зеленой листвою одетый,
Краснодар мой,
Краснодар мой –
Город юности, город родной!

Зажигающий сердца праздничный вальс без всяких конкурсов стал гимном города. В советские времена он часто звучал по радио, телевидению, с концертных площадок. После горбачевской «перестройки» всё советское стало не в моде, в том числе и «Краснодарский вальс». Его тихо списали в анналы истории, но ничего лучшего пока никто так и не написал.

Кроме основной работы в редакции, Виталий Борисович по воскресеньям вёл занятия в детской студии «Лукоморье». Однажды он позвонил мне и спросил, смогу ли я прийти во Дворец пионеров. Так он по привычке называл нынешний Центр творческого развития и гуманитарного образования.

Я пришла, немного опоздав. В комнатно-музее кубанской пионерии в мягких креслах уютно устроились мальчишки и девочки лет 13-14, а Бакалдин сосредоточенно разбирал их стихи, не делая никаких скидок на возраст. Ребята не обижались, потому что критика была справедливой и без тени иронии. Он никогда не учил детей, «как надо» писать стихи, а объяснял, «как не надо» их писать.

Глядя на ребят из «Лукоморья», я невольно вспоминала свое «пионерское детство». Конечно, смешно, что в театр мы ходили строем... Но нас туда водили почаще, чем моих «раскрепощенных» внуков.

Драмтеатр им. Горького тогда располагался на углу улиц Красной и Гоголя. Теперь в этом здании – филармония им. Григория Пономаренко. Именно здесь мне довелось посмотреть премьеру спектакля «Человек с последней парты» Виталия Бакалдина и Вагаршака Мхитаряна. Наша неутомимая Евгения Владимировна устроила «культпоход в театр», ни словом не обмолвившись о том, что её муж имеет непосредственное отношение к спектаклю.

«Человек с последней парты» – романтическая пьеса для подростков о школьной дружбе, любви к Родине и преемственности поколений:

Мы пока еще юнцы,
Мы об этом часто слышим.
Но, товарищи-отцы,

К 90-летию Виталия Бакалдина

Воздухом одним мы дышим!

По сюжету пьесы, среди хороших ребят, патриотов и мечтателей, затесался вредный тип, который портил им жизнь. Но коллектив его успешно перевоспитывал, и в финале хулиган вместе со всеми пел про «отцов», с которыми он «дышит одним воздухом». Сейчас такой спектакль показался бы наивным, но, поверьте, мои одноклассники были очень похожи на этих мальчишек, готовых драться за правду, и девочек, мечтающих о сказке. До сих пор перед глазами – юная героиня в розовом платье, с розовым бантом в русой косе:

Отчего я такая не знаю,
Полетела бы я до небес.
Жизнь моя, словно сказка лесная,
В ней так много чудес!
Что задумаю – то и сбудется,
Кто пойдет со мной – не заблудится.
Кто, кто, кто?

Эту песню уже нигде и никогда не услышишь. Потерялись и ноты, и слова. Лишь несколько строчек выплыли из памяти, которая непостижимым образом сохранила самые яркие впечатления детства.

Когда закрылся занавес, мы громко, от души хлопали. По случаю премьеры, были речи и поздравления. Из зрительного зала на авансцену взлетел Бакалдин – темноволосый улыбочивый красавец в элегантном костюме. Подойдя к рампе, он весело сказал нам «Здравствуйте!». Мы заорали и захлопали еще громче. К своему стыду, не помню, находился ли рядом с ним соавтор, Вагаршак Мхитарян, я смотрела только на Бакалдина. Мои одноклассники тоже трепетали от гордости: муж нашей учительницы стоял на сцене под софитами!

Писателя и известного педагога, Вагаршака Христофоровича Мхитаряна, я встретила несколько лет спустя, уже учась на втором курсе пединститута. Еще стояла «оттепель», и мы, будущие учителя, были полны решимости учить детей по-новому, без скучных назиданий и «типичных представителей». Наш гость пылко рассказывал о школе и подарил нам свою только что вышедшую книжку «Год – тринадцать месяцев».

Стремителен бег времени...

Через сорок пять лет, в том же театре, который уже давно стал филармонией им. Григория Пономаренко, состоялся концерт «Родина и любовь», посвященный 75-летию юбилею почетного гражданина Краснодара, Виталия Борисовича Бакалдина.

К вечеру в городе задул пронизывающий ветер, и началось резкое похолодание. Но зрителей это не остановило, народу все прибывало, многие принесли цветы. Мне досталось место в бельэтаже, откуда хорошо просматривался зал. Смотрю налево направо. Вокруг – известные люди, рыцари культуры: председатель Краснодарского отделения Союза писателей России Петр Придиус, поэт Сергей Хохлов, писатели Виктор Логинов, Анатолий Голубцов, заслуженный артист России певец Владимир Генин... «Все ещё живы, все ещё живы...» На дворе – 2002-ой год.

И вот на сцену под гром аплодисментов выходит Виталий Борисович Бакалдин – яркий, узнаваемый, стройный, но уже седой... Снова, как и в далекой юности, он подошел к рампе и сказал с улыбкой: «Здравствуйте!» Многие его песни прозвучали в тот вечер. Помню задушевную «Над Кубанью-реченькой» в исполнении юной Ольги Никитиной и автора за роялем – известного композитора Виталия Кеворкова, песню о Новороссийске «Шесхарис», вдохновенно исполненную Александром Плахтеевым... Победно прозвучал «Краснодарский вальс» в исполнении блистательного певца Владимира Бурyleва, ныне, к сожалению, ушедшего из жизни...

– За каждой моей песней, – сказал Бакалдин, обращаясь к залу, – определенная веха моей судьбы, этап в жизни моего города, моего края и моей страны.

Он очень трепетно это произнес: «Мой город, мой край, моя страна»...

Известное выражение – «рукописи не горят» всегда вызывало у Бакалдина на-

смешливую улыбку:

– Горят! Еще как!

Ему ли не знать этого... Потерялась пьеса «Человек с последней парты», нет больше комедии Николая Винникова «Когда цветет акация», для которой был когда-то написан легендарный «Краснодарский вальс», навсегда утрачена оперетта Евгения Алабина и Виталия Бакалдина «Горная ромашка», лишь одна песня «Ручеек» – вот и всё, что от неё осталось. Но Бакалдин не жаловался, не унывал. Он был не из тех, кому уготовано «над рукописями трястись».

Как-то раз Виталий Борисович дал мне переписать уникальную кассету с его песнями советских лет. В то время в ходу были магнитофонные кассеты. По своему невежеству, вместо того, чтобы включить «Запись», я случайно стерла всё, что было на кассете! Трудно представить мой ужас и беспредельное отчаяние... Что я скажу Бакалдину? Как посмотрю ему в глаза? С дрожью в коленях, чувствуя себя бесконечно несчастной, я приплелась к нему с повинной. Выслушав мой несуразный монолог, прерываемый слезами, Бакалдин с улыбкой взял у меня из рук испорченную кассету, которую я зачем-то притащила с собой, и сказал:

– Ну, значит, туда ей и дорога! Давай, лучше чай пить!

Евгения Владимировна и сын Сергей, судя по лицам, были настроены не столь благодушно, но ни единым словом не упрекнули меня. Впоследствии, одной моей знакомой, работавшей на краснодарском телевидении, удалось восстановить многие песни Бакалдина и даже добавить на кассету его новые песни, что полностью реабилитировало меня в глазах его семьи.

Имел ли он врагов? Ну, а как вы думаете? Настоящему бойцу без них не обойтись. Но об этом лучше всего скажет его стихотворение:

«Он был чудесный человек...
он не имел врагов...» –
сужденье нравственных калек
и пошлых дураков.
Как он сумел, в конце концов,
живя в эпохе сей,
среди отпетых подлецов
иметь одних друзей?
В какой он кротости возрос
столь беспросветно свят?
Ведь даже Иисус Христос
врагами был распят.

19.05.2001г.

Говоря о «подлецах», поэт прежде всего подразумевал коммунистов-предателей, перекрасившихся в «либералы-демократы» и обогатившихся на «прихватизации». Им здорово досталось от Бакалдина в смутные 90-е и в начале нулевых.

Для него самым главным в жизни была его Родина, которой он был предан самозабвенно, а самой большой бедой стал распад великой страны, которую беззаветно любил:

Вот и точка.
Псу под хвост,

всё, чем жил
и с чем я рос...
Пионерских песен поезд
покатился под откос...
От тоски последних стонов
не податься в никуда.
Из поверженных вагонов
смотрят мертвые года...

В 2008 году разразился экономический кризис. «Литературная Кубань» стала выходить в малом формате, как вкладыш в «Вольную Кубань». Но и на такое издание не было средств. Просочились слухи, что нашу газету вообще закроют. Можно себе представить, что творилось в душе Виталия Борисовича!

Он старался держать себя в руках, но нервы его были натянуты до предела. Однажды он ненароком повысил на меня голос из-за какой-то мелочи. Мои глаза мгновенно повлажнели. Вечером, уходя из редакции, Бакалдин, как обычно, вручил мне стихи, которые попросил перепечатать. Я без слов положила их в сумку. Дома стала читать, и сердце мое сжалось:

Л.Д.Б.

Хотя обидел сгоряча,
а вовсе не со зла,
душе раскаянья свеча
покой не принесла.
Не тая, всё себе горит,
да так, что жжёт ладонь,
и о заветном говорит
негаснущий огонь...
15. 12.2008 г.

В конце декабря вышел последний, 330-ый номер «Литературной Кубани». На первой полосе была напечатана редакционная статья «Слово к читателю», которая начиналась так: «До свиданья, друзья!». Бакалдин прощался с читателями и трогательно благодарил своих авторов за сотрудничество. Всем нашел добрые слова.

Закрытие газеты не прошло для него бесследно. Сердце все чаще напоминало о себе. Один за другим уходили друзья: кто из жизни, а кто в другую идеологию, подстраиваясь под «новые реалии». Но Бакалдин, словно последний из могокан, оставался верен своим убеждениям. Даже в это тяжелое время он не устранился от дел, продолжал писать, работал над новой книгой. В октябре 2009 года в Доме работников просвещения состоялся большой творческий вечер Виталия Бакалдина по случаю выхода 6-го тома литературной серии «Кубанская библиотека», полностью посвященного его творчеству. Я тоже волновалась и готовилась, поскольку должна была прочитать со сцены его известное стихотворение:

Я сдал стихи – и стало пусто.
Таков всех пишущих удел...

В зале, как говорится, яблоку негде было упасть: писатели, поэты, журналисты, ученики, врачи, артисты, старые и молодые друзья, чиновники и домохозяйки... По-дружески тепло беседовал Виталий Борисович со своими читателями. Его голос был негромок, но иногда и тихая речь может иметь необыкновенную силу. Это было его последнее публичное выступление, а новая

книга стала последним прижизненным изданием, прощальным подарком уходящей жизни. Но в те минуты, конечно, никто не знал и не думал об этом.

Все жаждали выступить и сказать Виталию Борисовичу добрые слова. Снова прозвучал «Краснодарский вальс»: его исполнили мои друзья, певцы вокальной студии Дома ученых – Зинаида Змитрович и Валерий Двинин. За роялем была Татьяна Сорокина, профессор Кубанской консерватории. А вот моё чтение стихов из-за нехватки времени отменили, отчего я очень расстроилась, ведь столько времени и сил было потрачено на подготовку этого выступления. Если б я знала, как ничтожно было моё маленькое разочарование по сравнению с тем, что случилось потом!

Ровно через месяц Виталий Борисович был доставлен в реанимацию с обширным инфарктом. Несколько дней он мужественно боролся со смертью. И, казалось, она отступила... Мне позвонил его сын, Сергей:

– Отец хочет вас видеть.
– В реанимации? – испугалась я.
– Да! Мы договорились с врачами.

Я примчалась в больницу... Он лежал на кровати, по грудь накрытый простыней, под которой едва угадывалось худенькое тело. Мы поздоровались. От волнения у меня слова застревали в глотке, но Виталий Борисович, как всегда, пришел на помощь.
– Садись, Людочек, возьми ручку. Сейчас я тебе продиктую...

Что за человек! Находясь на грани жизни и смерти, он продолжал сочинять стихи. Каждое слово держал в голове...

Я записала под диктовку стихотворение, посвященное его внучке и внучатам, которое заканчивалось так:

Не радостно, а тягостно,
Какой-то будет Русь?
Я так люблю их сладостно.
Я так за них боюсь.

Это было 26 ноября 2009 года. В тот же день я отнесла стихи в «Вольную Кубань», их срочно поставили в номер. В газете также были теплые слова от редакции и пожелание Виталию Борисовичу скорейшего выздоровления.

По этой или другой причине, но ему действительно стало лучше. Он был переведен из реанимации в обычную палату, где его свободно навещали родные и друзья. Все воспрянули духом! 29-го декабря он уверенно сказал, что «выкарабкается» и заставил меня съесть бутерброд с черной икрой, которую ему где-то раздобыли родственники. Он готовился к выписке, радовался, что будет встречать Новый год в кругу семьи, и поручил мне купить газету с телепрограммой:

– Завтра принесешь её мне домой, а то наши обязательно забудут!

И наступило завтра... 30 декабря 2009 года...

Утром я пришла к Бакалдиным с новогодней программкой, но Виталия Борисовича уже не застала. Он ушел навсегда.

31-го мы собрались в «штаб-квартире» краевого отделения Союза писателей. Пришли почти все писатели-краснодарцы... И хоть набилось нас «под завязку», никогда ещё в нашем писательском гнезде не было так тихо. Мы понимали, какого поэта потеряли. Как теперь жить без него, без нашего старшего друга, нашего «Литературного института»?

Сознавали и то, что Виталий Борисович не бросил нас нищими на произвол судьбы, а оставил богатое наследство – талантливые и честные стихи. Уходя, он словно установил для нас высокую художественную планку, к которой теперь мы по мере сил стремимся.

В его «счастливо многолюдной жизни» мне досталась маленькая, скромная роль. Но и это – великое счастье! Навсегда буду ему благодарна за то, что он позволил мне «пройти несколько шагов по краешку своей судьбы».

Иногда мне кажется, что он где-то рядом, готовый прийти на помощь. Это не сон, не иллюзия. В любую минуту я могу поговорить с ним, спросить совета – для этого надо лишь раскрыть его книгу...

Людмила Бирюк

ПРОЗА

Константин Нилов

Харьковская командировка

Поезд медленно начинал разбег. За окнами побежала, как всегда при движении поездов специфическая архитектура бывшего «железнодорожного столетия», из привокзальных жилых зданий, примкнувших к ним небольших сквериков, а потом рядами частных пёстрых строений. Я ещё немного постоял на проходе купейного вагона, подышал свежим потоком согретого полуднем воздуха, и пошёл в своё купе. К нам, пассажирам купе, на этой станции добавился ещё один новый: высокий, лет под тридцать, парень в светло-сиреневой косоворотке, джинсовых брюках. Мужественное, с твёрдым, с ямочкой, волевым подбородком, живыми голубыми глазами. Стрижен он был, как большинство сегодняшней молодёжи, почти под ноль. В вагон он буквально вскочил перед самым отправлением поезда, поэтому я застал его ещё тщательно вытирающим своё лицо белым, с голубой конвой, носовым платком.

Когда я говорил «к нам», то имел в виду всех пассажиров нашего купе. А это я и средних лет священник в чёрной рясе и фиолетовой шапочке на голове. Мы быстро познакомились: ехал он по делам службы в Харьковскую епархию. Был разговорчив, а разговаривать сегодня было о чём (такие события сейчас происходили на Украине). Звали священника отец Павел и состоял он даже неким специальным представителем Киевского православного монастыря, подчинявшегося непосредственно Московской епархии... Сначала наш разговор носил как бы разведывательный характер, но когда он узнал, что я из Беларуси, то сразу был преодолен незримый «барьер осторожности» и мы пошли разговаривать на все «мировые проблемы».

— У вас в Беларуси таким и не пахнет, — улыбнулся он в свою тёмную, небольшую, но пышную бородку. — А у нас тут — вот какая каша заварилась!

— Да, — согласился я. — Может так случиться, что и моя командировка сюда одна из последних будет...

— Думаете, что и белорусам будет закрыт путь сюда?

— Да дело не только в этом. НИИ, с которыми мы сотрудничаем на Украине, может скоро прекратить своё существование. Жалко конечно — ребята там работают башковитые, умные... Ну, а то, что сейчас тут творится, конечно не дай Бог никому.

Новый пассажир, увидев меня, вошедшего в купе, ближе подвинулся к окну, хотя места на скамье рядом с ним было достаточно. Порывшись в своей дорожной сумке, он вытащил полулитровую полиэтиленовую бутылку с минеральной водой и небольшую стопку газет.

— Желаете? — показал он нам глазами на газеты.

— А на каком языке? — спросил я, искоса взглянув на стопку газет.

— На русском, — сказал он и каким-то изучающим взглядом посмотрел на меня. — Это хорошо, — сказал я и добавил. — Хотя я и белорус, но русский язык для нас родной, как и белорусский.

— Понятно, — улыбнулся новый пассажир. — А я даже ваш сосед по месту рождения, из Черниговщины. Мы жили совсем недалеко от нашей с вами границы и даже вместе с вашими школьниками из Гомельской области часто отдыхали в вашем лагере «Рассвет». Вот даже помню строки из вашего бывшего гимна: «Мы белорусы с братнею Русью...»

— Мы белорусы з братняю Руссю, — поправил я.

— Да, хорошая ваша страна Беларусь, — сказал отец Павел. — Мы ещё семинаристы ездили в ваш Жировичский монастырь, что в городке Слоним. Хороший городок, понравился он очень нам. Пусть и небольшой, но такой чистый, ухоженный. И Беларусь вся чистая, ухоженная.

— А в Орше вы часом не бывали? — спросил его я. — Там есть такая знаменитая Кутеенская Лавра шестнадцатого, начало семнадцатого столетия...

— Слышал о такой, — провёл ладонью по бороде отец Павел. — Говорят, единственная лавра в Беларуси. Но я там не бывал к сожалению.

— Там ещё и первый русскоязычный букварь был напечатан знаменитым белорусским печатником Спиридоном Сободем. Кстати, сначала он здесь на Украине, в Киево-Печерской лавре, набирался опыта печатного мастерства.

— Я так немного об этом что-то припоминаю. Хотя у вас там, конечно, в православном просвещении стоит на первом месте Ефрасиния Полоцкая, затем Скорина. И значит, получается и этот Спиридон Сობоль в этом просвещённом ряду.

— А у меня под Оршей, на одном из военных аэродромов, брат двоюродный Пётр лётчиком-штурманом служил, — вернулся всем лицом к нам новый пассажир.

Улыбка его обнажила ровные ряды белых крепких зубов. — Мы даже, туда с дедом Иваном ездили к нему в гости. Запомнился очень ваш вокзал, такой большой, просторный, в иных областных городах даже таких не встретишь.

— Вокзал у нас красивый, — согласился я. — А сейчас он по-новому преобразился, стал ещё краше. А давайте знакомиться: меня зовут Константин.

— Игорь, — ответил новый пассажир и подал руку.

— Я — отец Павел, — вновь, для нового пассажира, представился священник.

Наш разговор начался о последних событиях на Украине. О новых выборах в раду. И конечно же — о положении на Донбассе.

— Брат на брата пошёл, — повторил грустно отец Павел. — И в тяжком сне такое трудно было представить... Но вот что делает в миру нестойкая вера и поверхностное знакомство с христианской идеологией.

— Точно то, что было у нас в конце шестнадцатого столетия на Белой Руси, — сказал я. — Когда состоялась тогда новая уния и пошёл брат на брата, рус на руса, войной.

— Всякое, хоть небольшое отступничество от истинной веры — всегда чем-то чревато, — отец Павел печально посмотрев в окно. — Птица может летать только строго согласно правил своих летательных законов, небольшое отклонение от закона и птица падает. А мы, люди, всё ещё желаем закрепить за собой некие, удобные только нам, правила. И срываемся вниз. Вот часто можно услышать, что нужны изменения правил веры, некие реформы. А что можно получить? Вот такое же хаотичное движение некой вседозволенности, а в целом отступление от канонов истинной веры. Делается шаг, второй в сторону — и всё: летит птица в пропасть!.. Так и у нас на Украине, сохранялось где-то это ещё давнее униатское наследие, подогревалась явно и тайно русофобия под знаком украинской независимости. Делать это даже на любом удобном для себя житейском поле, включая стремление к самостоятельности — и вот вам результат. Трескает этот шар-пузырь, который имеет зыбкую оболочку, и конец всему, летит птица в пропасть.

Игорь тоже внимательно слушал священника, иногда утвердительно кивал головой.

— Да, очень перегрелся он, этот наш «шар украинский» с западной стороны. И что? И что теперь нужно делать русским, проживающим на Украине? — тихо сказал он.

— Но какие жертвы! Какие жертвы! — качал головой отец Павел. — И как могли оду-

манить они большинство народа Украины, который на всё происходящее теперь смотрит, как на агрессию России. И попробуй ещё сейчас его переубедить. А когда Крым перешёл в Россию, тут уже полилась ненависть к России.

— Не смогли наши три братских славянских народа ради своего будущего, договориться между собой, — вздохнул я. — Ради общего будущего!

— Да, где же там договориться, — восторженно воскликнул Игорь. — Когда все враз захмелели от собственной независимости, при этом такой мощный, поддерживающей идеологический арсенал Запада набросился на Украину, да и Беларусь, и Россию. Ну, Беларусь в то время на удивление выстояла, выбрав своего президента Лукашенко, Россия стала сейчас немного приходить в себя и утверждать себя в мире. Конечно же, с приходом их президента Путина. И на этих двух президентах пока эта крепится русская солидарность. И вот теперь весь идеологический молот обрушился на Украину... А почва в ней была благодатная для такой деятельности, ох благодатная!..

Дверь нашего купе была всё время полуоткрытой. Мы бы ещё продолжили дискутировать о событиях вокруг Украины, но тут из соседнего купе к нам вошёл высокий широкоплечий парень, полностью одетый, несмотря на духоту, в джинсовый синий костюм (хотя рукава его куртки были по локоть закатаны и все пуговицы расстегнуты). Лицо парня было южной украинской смуглости. На голове короткий полубокс чёрных, с иссиним отливом, волос, очи карие, нос с небольшой горбинкой.

— Ребята, а вы в карты не гуляете? — спросил он, оставаясь в дверях и странно рассматривая нас пристальным изучающим взглядом.

— Нет, — за всех ответил я и тоже осмотрел своих спутников.

— А жаль, — сказал он и достал из брюк колоду слегка потрёпанных игральных карт. — А я на интерес поиграл бы, запросто и в подкидного, чтобы скоротать время поездки. Разочарованно прижмурив глаза, слегка сдвинув к переносице густые смольные брови он улыбнулся:

— У нас там одна симпатичная бабёнка сидит, так мой друг с ней хочет поближе познакомиться.

— Тогда посидите с нами, — показал на место с собой отец Павел.

— Нет, — сказал парень. — Я лучше пройду по другим купе: может, кого всё же да найду перекинуться в карточки. А нет: так — в тамбуре пока перекантуюсь, там прохладнее, чем в купе.

— Ну, смотрите сами, — пожал плечами отец Павел.

Я заметил, как подозрительно парень рассматривает Игоря, тот ответно вызывающе вскинул на него свои глаза. Вошедшему парню пришлось даже отвернуть голову. При повороте головы я увидел небольшой подковообразный шрам возле его левого уха. Такой бывает после непростой травмы.

— Це — добре, — глубоко вздохнул парень и не спеша пошёл к двери купе.

Постояв ещё минуту в коридоре, как бы любуясь пролетающими за окном пейзажами, он побрёл в левый бок вагона.

— Как любят некоторые эту карточную игру, — улыбнулся отец Павел. — Вот я часто езжу по Украине и всегда в поезде встретишь такого заядлого игрока... Бывает, сначала на интерес, а потом на деньги пошли играть... А закончат неизвестно чем, бывает даже дракой.

— И такое бывает, — подтвердил я. — Сейчас в интернете, что хочешь скачаешь про такие случаи в дороге.

— Да уже этот интернет, — согласился, улыбувшись, отец Павел. — Набросил на людей эту свою паутинную сеть, и попробуй

из неё выбраться теперь некоторым людям. Это, как наркотик.

— Но всегда голову свою нужно иметь, — сказал Игорь. — А как справочник, познаватель — цены ему нет... Ну, а если просто интерес, то, конечно, засасывает очень...

Оставшись одни, мы ещё подискутировали о нынешнем положении на Украине, пока я не сказал:

— А не попить ли нам чайку, друзья-попутчики?

— Чай — это дело хорошее, — благородно согласился отец Павел. — Раньше проводники, чуть тронется поезд с места, уже спешат предлагать пассажирам чай.

— Я сейчас схожу к проводникам, — поднялся я с места. — Что будем заказывать: чай, кофе?

— Чай, — почти в один голос сказали отец Павел и Игорь.

Я пошёл по коридору купейного вагона в его правую сторону. Двери почти во всех купе не были плотно закрыты. Несмотря на то, что в вагоне работали вентиляторы, было по-летнему душновато. Подходя к отдельному отсеку проводников, я приостановился, вправляя в дорожные брюки-трико выехавшую наружу рубашку.

— Да, я слушаю, — услышал я негромкий женский голос доносившийся из отделения проводников. — Хорошо, я даже вот и запишу. Говорите, а я буду повторять... Лет тридцать, в сиреневой безрукавке, джинсовые брюки, стриженный под ёжик, с собой синяя дорожная сумка... Хорошо, я вам сообщу... Я сейчас пойду предлагать пассажирам чай... Хорошо, хорошо, я обязательно сообщу вам. Поняла всё...

«Сиреневая безрукавка, джинсовые брюки, стриженный ёжик? — мелькнула у меня в голове. — Так, так... Но это что получается?!»

Я вошёл в раскрытую дверь отсека проводников. За столиком сидела в белой форменной рубашке и синей пилотке проводница с ярко-накрашенными губами, и сильно подведёнными неестественными чёрными дужками бровей. Лет ей было за сорок.

— Можно к вам? — спросил я и постучал костяшками пальцев по стенке дверей.

— Да, — ответила проводница, что-то ещё помечая в блокноте.

— Я насчёт чая...

— А, извините, — восторженно проводница и виновато заулыбалась. — Я сама только хотела пойти по вагону, а тут звонят: то одно им, то другое из нашего управления.

Крутые дужки бровей поползли к переносице, превратившись вмиг в некую воприсительность.

— ...Всё у них там теперь с какими-то заморочками. Вот сейчас уже и эта нацгвардия раскомандовалась... Нас чуть не ищейками хотят видеть. Ищите им того-то, доложите им то-то. Кругом одни командиры!

— Кого-нибудь ищут? — как бы невзначай спросил я.

— Да, — вздохнула проводница. — Какого-то ополченца, который будто едет у нас в вагоне. Ну, понимаю, звонила бы милиция-полиция, а то эти новые — господа нацгвардейцы... И попробуй им откажи!.. Гражданин, вы из какого купе?

— Шестого...

— Хорошо... Я сейчас пробегусь по вагону и первому, вашему купе принесу чай... Извините, вам чай или кофе? Есть вафли, печенья, минеральная вода.

— Нам — чай...

— А у вас случайно нет такого гражданина в сиреневой рубашке и джинсах? — сказала проводница с некой презрительной улыбкой.

— Да-нет, — ответил я. — И ещё одну пачку печенья, несладкого можно. А так всего три чая...

— Хорошо, — ответила проводница и под-

ПРОЗА

нялась с места.

Я повернулся на месте и пошёл: сначала медленно, а потом всё более ускоряясь, к своему купе. «Сиреневая безрукавка, джинсовые брюки, стриженный ёжик...» — звучало у меня в ушах... Я вошёл в купе и резко задрнул за собой дверь. Отец Павел и Игорь удивлённо посмотрели на меня.

— Заказал, — сказал я, опустившись на сиденье. — Игорь, я случайно подслушал разговор, звонили проводнице из управления. Ищут человека в сиреневой безрукавке, джинсах и стриженным ёжиком. Ополченца...

Игорь резко повернул голову, мне показалось, что лицо его чуть побледнело. Отец Павел, державший в руках газету, медленно отложил её в сторону.

— Уже ищут? — сказал, криво улыбнувшись, Игорь и откинулся всем туловищем на спинку сидения.

— Проводница сказала, что это от «раскомандовавшихся нацгвардейцев».

— О, — потёр двумя ладонями виски Игорь. — Это — круто!.. Вычислили уже...

— Знаешь что, — сказал я Игорю. — Тебе нужно срочно переодеться!

— Да, да, — поднялся с места Игорь и вдруг резко опустился на место. — Но у меня и другая рубашка сиреневого цвета.

— Стоп! — сказал отец Павел. — А у меня есть, как раз по тебе, белая тенниска. Я везу её в подарок сыну своего дьякона... У него завтра день рождения.

Отец Павел взял в руки свой кожаный саквояж, который до этого стоял на сиденье.

— А ну — скидывай брюки! — приказал и я Игорю. — Срочно одевай моё трико, а мне давай свои джинсы... Взাপру их как-нибудь... Да мы вроде и одной комплекции

— Ах! — стукнул себя я через секунду ладонью по лбу. — Да у меня же есть ещё и свои парадные брюки на вешалке. Так что: давай срочно сбрасывай с себя своё тряпье и одевай моё.

Игорь стал «в темпе» переодеваться... Не успели мы закончить всю процедуру переодевания, как в дверь к нам постучали.

— Сейчас, — ответил я, — только брюки одену.

Вскоре я и Игорь как бы ни в чём не бывало, расселись по местам, а отец Павел стал медленно открывать двери.

— А ты лучше ложись, — успел шепнуть я Игорю на ухо. — Ложись и прикрой газетой свою голову, будто крепко спишь. Да сбрось скорей свои щиблеты!

Дверь открылась. Недовольная проводница с подносом в руках взглядела купе. На меня она не обратила внимания, зато взгляд её основательно прошёлся по лежащему Игорю.

— Ваш чай, — сказал проводница, ставя полные стаканы в подстаканниках на стол. — А этот — что спит? Будет он пить чай?

— Будет, — сказал отец Павел, — мы его разбудим. Он тоже просил чай.

— И ваше печенье, — сказала проводница, положив пачку печенья на столик. — Расчёт, когда буду забирать стаканы. Цены у вас в прейскуранте на столе. Деньги положите на стол, желательнее без сдачи.

Закрыв на защёлку дверь, мы стали пить чай. Разогретый чаем, отец Павел смахивал с лица крупные капли пота и то и дело вздыхал.

— Как там у вас в вашем ополчении? — спросил я Игоря. — Где она — настоящая правда? По телевидению одно, а в интернете другое.

— Всякое бывает, — ответил он. — Война есть война. Но кто, как говорят, кроме нас? Там такая беда, товарищи!

Когда Игорь переодевался, я увидел на его правом плече синевато-лиловую полосу — рубец от зажившей недавно раны, потому, поднимая правую руку, он всегда слегка морщил нос.

— Значит, мне надо скоро сходить, — допивая чай, задумчиво произнёс Игорь. — Иначе меня будут весело встречать нацгвардия на моей конечной станции.

— А как дальше будешь добираться до места? — спросил встревоженный отец Павел.

— Доберусь, — улыбнулся Игорь. — Но там, где я должен был бы сходить, чувствую, будет сегодня очень жарко... Мне надо раньше сходить...

— Может и правильно, — согласился отец Павел. — Туда тебе, на конечную, нельзя.

— Да вот с одеждой этой, — почесал лоб Игорь. — Примета у них верная на меня.

— А ничего, — сказали мы, будто сговорившись с отцом Павлом. — Мы как-нибудь переживём. Не в портках же едем? Оставайся в ней.

— Бери, бери, — перекрестил Игоря отец Павел. — И пусть хранит тебя Господь Бог!

— А джинсы твои мне в подарок, — сказала я.

— Я пройду срочно вперёд на два вагона и тогда уже сойду, — промолвил Игорь и быстро поднялся с места.

...Поезд медленно отходил от очередного полустанка. Мы заметили, как позади небольшой провожающей группы стоял и Игорь, делая вид провожающего, он махал нам своей рукой. Проводница беспристрастно стояла на площадке тамбура, готовясь затворить входные двери.

— Вот и всё, — сказал отец Павел. — Однако — сурово всё это!

Я махнул головой и полностью прикрыл дверь купе.

Некоторое время мы ехали молча, каждый думал о своём. Мы не знали, как там, в ополчении, кто они, ополченцы, но эти его последние слова Игоря: «но кто, кроме нас», на нас действовали сильно. Я думал, а как бы вот я поступил в обстоятельствах, в которых оказались те люди на Донбассе, основная вина которых была вроде в том, что они русские и желают говорить на своём родном языке?

Ведь многие за это платят своей жизнью, и многие её уже отдали за это. По-другому, в таких ситуациях, начинаешь понимать, как всё же хорошо, что у тебя тихо на родине, что там не слышно сейчас взрывов снарядов, что рядом с тобой не умирают люди. И понимаешь горе тех людей, которые лишились всего этого. Такие мысли были очевидно и у отца Павла...

Дверь нашего купе внезапно резко раскрывалась. В дверях опять стоял тот парень, которого мы уже «окрестили» картёжником. Он обвёл взглядом наше купе.

— А этот где? — он показал на место, где раньше сидел Игорь.

— Так он давно сошёл с поезда, — пожал плечами я.

— Как сошёл?! — вскрикнул на всё купе «картёжник». — Когда?!

— Да, — я подумав несколько секунд, решил ещё «дезинформировать» «картёжника». — На позавчерашнем полустанке, хотя это уже, быть может, и третий по счёту?

«Картёжник», что-то прикидывая в уме, нервно закрутил головой. И в это время послышался из соседнего купе визгливый мужской вскрик:

— Сука!.. Куда бьёшь? О-о!

«Картёжник» бросился назад в своё купе. А оттуда тотчас вбежала к нам молодая женщина лет тридцати пяти в разорванной розовой кофточке.

— Можно к вам?! — глаза её горели гневом, лицо пылало, а руки мелко дрожали.

— Что случилось?! — спросил отец Павел, поднимаясь с места вместе со мной.

— Да этот гад свиной — полез ко мне, хотел завалить на сиденье!.. Ну, я ему дала массажной щёткой в эти места его паршивые. Гад! Запомнит меня навсегда! Щётка пополам, а он там ёрзает по полу... Вы только не выдавайте меня им!

Я тут же поднялся с места и затворил дверь, поставив её на защёлку.

— А я сейчас своему мужу позвоню, — говорила женщина, с дрожью в руке нажимая на клавиши мобильного телефона. — Он ему окончательно оторвёт его хозяйство! Он у меня тренер по самбо, бывший чемпион Европы. И у них там такая дружная команда! А этот думает, что если он связан с нацгвардией, то ему всё позволено. Не знает, с кем связался, подлец!

В соседнем купе тоже захлопнули дверь.

...Мы выходили на харьковский перрон. Женщину встречал плечистый, с большой золотой цепью на шее мужчина спортивного склада с пятью молодыми крепкими ребятами. Но наших «соседей» уже давно не было в вагоне. Я попрощался на перроне с отцом Павлом, и мы направились по своим направлениям... Так началась моя харьковская командировка...

Константин Нилов,
поэт, прозаик, драматург.
Член Союза писателей
Республики Беларусь.

ПОЭЗИЯ

Иван Карасев

Стихотворения из нового цикла
«Homo Erebus»

Потонули в море света
Позитивные поэты
Лишь пииты мрака точат
Свои перья и пророчат
В синем омуте тоски

Где же вы, поэты света?
По добру ни жнут, ни пашут...
Лишь поэты мрака пляшут
На гнилых костях сонета
Рвут столетий колоски

Захлебнулись в ложке меда
Добронравные поэты
И свиней в толпе народа
Гонят мрачные эстеты
Нюхать розы лепестки.

Крот

Я позавидовал умению крота
Его сноровке рыться в норке тесной
Мне другом становилась темнота
И все вокруг пропахло почвой честной

Всеядный слух нетрепанного уха
Как проводник сквозь слепоту причин
Охотится по лабиринту звуков
Будто по азбуке незримых величин

Мой добрый крот живет в глубоком мире
С пороками и каверзой седин
Неслышимый в потустороннем клире
Невидимый куда невредим

Есть в хищности истоки слепоты
Что прятать не отыщется едва ли
Таится крот межвременной норы
И перепрыгнет пока вы спали.

Огонь, что в латы тьмы одет,
В глухую ночь, как робу нищих,
Таи свой пыл во цвете лет
Или умри, когда отыщут.

Обратной тяги судный дар,
Цветок, объятый мраком липким.
Но кто-то дует на пожар,
И он горит во снах безликих.

Вот, как Иона, от судьбы
Спасаясь в чреве кашалота
Плыву все дальше, в сердце тьмы...
А завтра снова на работу.

Слился с тенью черный кот,
Затаился он. Вот-вот
И твою живую душу заберет...

Его разум безразмерен -
Мельче проса станешь ты:
Кот прокусит нежный череп
Травоядной пустоты.

Будь ты мышь или кузнечик,
Трясогузка или вошь,
От ката ты не уйдешь,
Громогласный человечек.

Только сумерки глухие
Ловят крики чуть живые,
Что растут в протяжный вой.
«Барски! Быстро пшёл домой!»

Лисий царь

Посвящается А.И. Мамаенко
«Ездок погоняет, ездок доскакал...
В руках его мертвый младенец лежал»
(И. Гёте)

Ночным перелеском, туманной тропой
Бредет незнакомец; репей в сапожке.
Сквозь сон тихо стонет, клонясь головой
Малютка живая в заплечном мешке.

Рыдает и бьется о короб сырой:
— Отец, Лисий царь мне приснился седой.
Он в огненной маске за нами следит,
На троне янтарном он в чаще сидит.

— Не думай о лисах, забудь и поспи,
А лучше ты звезды опять посчитай.
Лишь так избежишь полуночной тоски...
А хочешь, с серебряной пулей играй.

— Горит жемчугами звериный чертог.
За нами погоня, отец. Я продрог...
И лис серебристый бежит впереди,
Кровавый алмаз у него на груди.

— Ты бредишь, малютка, не бойся лисы!
Огромной та стала от тени луны.
А холодно? — это от стылой росы.
Не волк же по следу идет. Слышишь ты?

— Из черного бора кричит Лисий царь,
Обвешан костями детей и фонарь
Из черепа держит меж белых когтей.
Отец, ему надобно жизни моей.

Бежит незнакомец сквозь лес голосов,
И спину печет неуверенный страх:
Неужто и вправду за столько часов
За ним по пятам шел со свитой Лисарх.

Охотник до дома домчал, добежал,
В руках его рыжий лисенок дрожал.

Волчица

На площади скорби
Лишь голые тени
Ей надобно крови
Иных поколений

Глаза застилают
Голодные звезды
Туман завываний
Вороненые гнезда

По окнам пустым
Серебристою шерстью
Отливается дым
Пулеметных отверстий

Поэтесса слепая
Стихи дочитала
Безлюдно. Седая
Ей нужно так мало

Лишь крови за годы
Во тьме прожитые
Ведь волчьей породы
Герои святые.

Мох

Как дух цепляется за жизнь
Кружа над водами литыми
Так Мох с земли стекает ввысь
Ползет по каменной пустыне.

Где бог метал свои огни
В детей немых и полорогих
В скрижалях вскрытых муравьи
Постытся мудростью двуногих.

В начале был багровый Мох
И по нему Господь явился
Не в тростнике, что мыслить мог
А здесь, во Мху, где жук молился.

Душа бессмертна
Отчего тогда не помнит
Блуждания по карме кольцевой
Вот школьник Ной
Он в сотый раз построит
Ковчег из промакашек свой

Немое эхо голосов остывших
В ковчеге душно
Гаснет правда вся
Жду новостей от ворона и мыши
И змея, что еще не родился.

Корни

Корни снов из мертвых листьев
Прорастают... все равно
Так слова таятся в мыслях
Ион — ячменное зерно.

Вилось слово, словно волос
Оловянный льет узор
В нем волхва змеится голос
Колос лжи, овса и сор.

Власть дремучая во слове
В диком свисте Соловья
На него по зову крови
Зря нацелился Илья.

Корень жизни, корень смысла
Корень всех причин и бед
Но из мозга корни-числа
Извлекает Ганимед.

Корень всей Вселенной блефа
Прорастает в мир калек
За ботву злосчастной репы
Тянет-тянет человек.

ОБЪЯВЛЕНИЕ

ВНИМАНИЕ!

В положение о литературном фестивале-конкурсе «Поэзия русского слова» внесены изменения:

УСЛОВИЯ ПРОВЕДЕНИЯ ФЕСТИВАЛЯ-КОНКУРСА

К участию в Фестивале-конкурсе приглашаются авторы литературных произведений на русском языке в возрасте от 16 лет, независимо от места жительства

и гражданства, членства в творческих Союзах, с разделением на возрастные группы: «Открытие» – до 35 лет включительно, «Открытие» – с 36 лет и «Мастер» – члены профессиональных писательских Союзов и победители (1, 2 и третье место) двух прошедших фестивалей, разделяющие в своих взглядах цели и задачи Фестиваля-конкурса.
Заявки для участия с приложениями с

пометкой «на Фестиваль-конкурс «Поэзия Русского слова» направлять по адресу: 353440, Россия, Краснодарский край, город-курорт Анапа, ул. Астраханская, 2, МБУК «Центр культуры «Родина» муниципального образования город-курорт Анапа. Тел./факс: 8(86133) 4-51-97.
E-mail: anapa-rodina@mail.ru
Окончание приёма материалов продлено до 1 сентября 2017 года.

ПАНОРАМА

● 20 мая 2017 года в ДК «Перекрёсток» г. Горячий Ключ прошёл первый краевой литературный фестиваль «Серебряный ключ», приуроченный к 80-летию Краснодарского края, 70-летию краевой писательской организации и дню славянской письменности.

Приветственное слово сказала зам. главы Лукьянцева И.П. и руководитель межрайонного литературного объединения Сенин А.В., который вручил дипломы лауреатам краевого конкурса. По его итогам определились победители в номинации «поэзия»: Мерцый Галина, Логвинова Нина, Уфимцева Галина, Маркарчук Василий, Бойко Григорий, Яковшин Василий, Тарасенко Галина, Ксёндз Николай. Отдельной грамотой была награждена Ляуман Виктория, молодой начинающий автор из г. Усть-Лабинска, за своеобразный взгляд на мир.

Гостей фестиваля приветствовали образцовый хореографический ансамбль «Алые паруса», учащиеся среднеобразовательной школы №3 г. Горячий Ключ, поставившие на сцене миниатюру «А зори здесь тихие». Светлана Рябинова, выпускница ростовской консерватории, лауреат всероссийских и международных музыкальных конкурсов, дополнила военную постановку песней Жени Комельковой из оперы «А зори здесь тихие». Молодые авторы, входящие в состав литклуба «Серебряный дождь», руководителем которого является заслуженный работник культуры, директор городской библиотеки №9, большой этнузиаст Василькова Э.В., а также актив отдела по делам молодёжной политики и ученики школы №3 прочитали стихи классиков и стихи собственного сочинения. В фестивале приняли участие двенадцать литературных объединений из Тихорецка, Усть-Лабинска, Курганинска, Краснодара, Майкопа, Кропоткина, Лабинска, Кореновска, п. Новомихайловский, Белореченска. В тёплой и дружеской обстановке прошёл фестиваль. Авторы читали свои стихи, исполняли песни, дарили друг другу книги. В холле ДК была организована выставка, представившая книги и буклеты кубанских поэтов и прозаиков. Каждое ЛИТО было отмечено благодарственным письмом и подарками. Надеемся, что этот фестиваль станет ежегодной доброй традицией!

● В Краснодаре в библиотеке им. Н.А. Некрасова прошёл праздник, посвящённый Дню защиты детей. Ребятам из школьного летнего лагеря СОШ -39, учащимся третьих и четвертых классов была представлена первая книга детского поэта Любви Детковой «О чём щебечут птицы». Дети и взрослые, присутствовавшие на празднике, окунулись в мир, созданный автором, полный солнечного тепла, щебечущих птиц, зелёных лесных полянок, с дождиками, ветерками, ребячьими играми. Все герои стихов писательницы весёлые, жизнерадостные, общительные, вызывающие добрые улыбки. Любовь Михайловна рассказала ребятам, как в Краснодаре создавалось краевое литературное объединение «Верность», кто стоял у его истоков, а также представила членов ЛИТО, участников праздника: Надежду Никулину, Алексея Шутёмова, Людмилу Карпенко, Алексея Некрасова, Ольгу Кофанову, Татьяну Суханову. Поэт Олег Никулин читал стихи для детей вместе с «хомячком Бобом», приветствуя дебютантку Любовь Деткова.

ПОЭЗИЯ

ВЛАДИМИР РОМАНОВ
(Краснодар)

Памяти Александра Аполлонова

История – такая штука:
оценки надо годы ждать,
бывает слишком близорукой:
что рядом – ей не увидеть.

Кубанский скульптор Аполлонов
оставил след свой на земле:
он глины вымесил вагоны
в своём нелёгком ремесле.

О, сколько нам творений чудных
оставил он после себя –
разнообразных, неподсудных
и создававшихся любя.

Любя свой край, свою работу –
всё, из чего мы состоим.
И, выбирая жизни квоту,
лил в бронзу Времени слои.

В своём величии глубинном,
простёрши царственную длань,
стоит его Екатерина,
благословившая Кубань.

Он нынче – неба обретенье:
ушёл – его нам не догнать...
Стал Времени великой тенью,
чтоб о себе напоминать.

Надежда КАЗАНИНА
(Анапа)

Глядя вслед журавлиной стае,
выйду в поле и поклонюсь
до земли тебе, Русь святая,
Православная наша Русь!

Возрождавшаяся из пепла
от нашествия лихих гостей
ты, Россия, лишь только крепла,
закаляясь в огне страстей!

Предавать мы тебя... умели,
раздробляя, и каждый раз
заглянуть от стыда не смели
в глубину твоих синих глаз...

Как отмыться теперь от срама,
коли стало нам всё равно –
златоглавые строить храмы
или престижные казино?

Сергей ЧЕПРОВ
(Темрюк)

ФРОНТОВИК

Домишко джужит лишь молитвой.
И редкий гость зайдет сюда.
Над покосившейся калиткой
Давно поблекшая звезда.

Былой войны стратег и тактик
Не смог жилья отвоевать.
Умел он отбивать атаки,
А не пороги обивать.

Из-под очков сверкнув «нулями»,
Чиновник проворчал в ответ:
«Ты, дед, своими костылями
Попортил новенький паркет...»

И понял дед, что в сече правой
Одна и правда, и беда.
А хитрость кабинетных правил
Он не постигнет никогда.

В бою под пулей не склонялся,
И жизнь, и совесть сохраняя.
Но бить поклоны – извиняйте!
Вы не заставите меня.

Давно молчат часы с кукушкой.
Забор в обнимку с кленом сник...
Вот так в избушке-завалюшке
Век доживает фронтовик.

Наталья ПОКОЛОДА
(ст. Родниковская)

ГЕОРГИЕВСКАЯ ЛЕНТА

Шёл мальчик по улице с видом серьёзным,
С частичкой Победы на детской груди.
Мне горло сдавили счастливые слезы –
Девятое мая давно позади.
А он так гордится: Георгия лентой!
Спасибо тебе, знакомый малыш,
Храни нашу память и нашу Победу,
И мир на планете в веках сохранишь.

ЛИДИЯ ВДОВЧЕНКО
(Ейск)

ПО ВСЕМ ПРИМЕТАМ РАННЯЯ ВЕСНА...

По всем приметам ранняя весна:
С утра воскресла муха – и таранит
Февральский дождь на голубом экране
Вспотевшего от радости окна.

Дурёха, надоедливо кружит,
Наверно, хочет подружиться с миром.
Там, за стеклом зовущего эфира,
Рай не готов – он солнцем не обжит.

Живи, душа, тебя не загублю,
Оставлю угощение на блюде –
И жди, когда сады водой напьются
И лужи ошпарит пятки февралю.

Людмила ЧЕКМЕНЕВА
(Ейск)

Апрель. Нахально блещет солнце,
Каштанов свечи взорвались,
И сквозь асфальт травинка рвётся,
Бурлит, из мрака лезет жизнь.

Замёрзшая душа теплеет,
Встречаешь с верой ясный день,
Забытым ароматом веет
В букете белая сирень.

Опять я чувствую волнение,
Трепещет юностью душа,
Как будто ярким наслаждением
Жизнь будет снова хороша.

Приди лазурным днём апреля,
Пусть нас осыплет яблонь цвет,
В весну свою опять поверю,
В ушедшие семнадцать лет.

Давай забудем на мгновенье
Про боль измен и горечь ран.
И Бог в цветущий день весенний
Простит нам маленький обман.

Александр ГОРБАТЕНКО

ОДИНОЧЕСТВО

В плющом увитой старенькой беседке
Давно уж скособочился притвор.
Ведут об одиночестве соседки
За чаем не досужий разговор.

У бабки Насти щёки жаром пышут,
Но тусклые глаза – без «бесенят»
«Забудут, не приедут, не напишут
И чёрта с два, конечно, позвонят.
Бывает, необылицы поверяешь –
Развешивают уши до земли;
А правду скажешь – дружбу потеряешь,
От аналоя словно увели.»

Худую седовласую Лукерью
В припадке откровенья прорвало:
«Сидишь на стульчаке с открытой
дверью?» –

«Ну девки. Языки, что помело.» –
С не проданными козочками с торга
Полина набирается греха.
«Э-э-э, некому забрать тебя из морга –
Проблема. Остальное – чепуха...»

Бабулечки заколки поправляют
На локонах ухоженных своих.
Опять «претензионщицы» гуляют,
Опять «соображают на троих.»

Газета Краснодарского регионального отделения
Союза писателей России

Кубанский Писатель

Зарегистрирована Кубанским управлением
Федеральной службы по надзору за соблюдением
законодательства в сфере массовых коммуникаций
и охране культурного наследия.

Свидетельство о регистрации:
ПИ № ФС-14-0358 от 24 апреля 2006 г.

Учредитель – КРО СП России;

Юридический адрес: 350065 г. Краснодар, ул. Парусная, 20/3

Издатель: ИП «Кириллица»

Юридический адрес: 350065 г. Краснодар, ул. Парусная, 20/3
ИНН 21320897906

Главный редактор: С. Н. Макарова
Ответственный секретарь: В. А. Динека

Редколлегия:

В. А. Архипов, Л. Д. Бирюк, Н. Т. Василинина, А. В. Горбунов, В. В. Дворцов (Москва), Н. А. Ивеншев, Л. К. Мирошникова, В. Д. Нестеренко, Н. В. Переяслов (Москва), Б. М. Стариков, А. Н. Пономарев.

Компьютерная верстка
и художественное оформление: А. Прокопенко
Корректор: Ю. Полушина

Подписной индекс 54713
АДРЕС РЕДАКЦИИ:

350061

ул Красноармейская, д.39, ком.115
тел.: 8-961-509-30-53, 244-09-11

E-mail: snmakarova@mail.ru

Электронная версия газеты на сайтах
<http://sites.google.com/site/sprosia>
и <https://sites.google.com/view/krospr-gazeta>
и Краснодарской краевой универсальной
научной библиотеки им. А. С. Пушкина
www.pushkin.kubannet.ru

Отпечатано в типографии
ООО «Флер-1»

г. Краснодар,
ул. Уральская, 98/2
8(861) 274-10-74

Заказ №

Подписано в печать

19.06.2017 г.

по графику в 10.00,

фактически в 10.00.

Тираж: 999 экземпляров
Цена свободная